

играли определенную роль в налаживании таких контактов, в создании вокруг Штернберга своего рода микроклимата, позволявшего ему лучше ориентироваться в незнакомой стране.

Будучи в России, Штернберг вращался не в великосветских кругах, к которым по происхождению и социальному положению на родине принадлежал; с психологической точки зрения примечательно, что его нежелание «с знатными <...> делать знакомства» не только бросалось в глаза царской бюрократии, но и в ряду прочих причин усугубляло се подозрительное отношение к И. Штернбергу. Он общался с учеными и людьми «среднего состояния», с теми, кто был ему близок по интересам или роду занятий. А как раз в этой среде Штернберг имел полную возможность получать необходимую информацию о Н. И. Новикове и А. Н. Радищеве, о новейших событиях духовной жизни русского общества и, судя по сделанным ранее наблюдениям, в какой-то форме узнать о содержании «Путешествия из Петербурга в Москву».

Дальнейшее изучение поднятых вопросов, обнаружение дополнительных источников, в чем теперь уже не приходится сомневаться, позволит пролить новый свет на проблемы, представляющие значительный интерес как для русской литературы XVIII в., так и для истории чешско-русских связей эпохи Просвещения.